

The background of the cover is a rich, atmospheric illustration. A dirt road with deep tire tracks winds from the bottom center towards the middle ground. On the left, several birch trees with white bark and golden autumn leaves frame the scene. On the right, tall, dark evergreen trees stand. In the distance, a calm lake reflects the warm light of the setting sun. Beyond the lake, a range of rugged mountains with snow-capped peaks rises against a sky filled with soft, golden clouds. A small, dark horse-drawn carriage is visible on the path in the distance, adding a sense of journey and time.

СТАРАЯ ДОРОГА

Джеймс Кервуд

Джеймс Кервуд

Старая дорога

<https://litres.ru/74502722>

SelfPub; 2026

Аннотация

После долгих лет странствий Клифтон Брант возвращается в Канаду — на землю, где остались его прошлое, семейные тайны и незавершённые счёты. Его путь проходит по старой дороге, ведущей через суровые леса Квебека, где сталкиваются интересы могущественных лесопромышленников, честолюбие, месть и любовь.

В центре противостояния оказывается Антуанетта Сен-Ив — молодая наследница старинного рода и хозяйка лесного предприятия. Её компания вступает в борьбу с могущественным соперником, готовым пойти на всё ради власти и богатства. Клифтону предстоит не только противостоять опасному врагу, но и разобраться в собственных чувствах.

На фоне величественной северной природы, лесов, рек и старых дорог разворачивается история мужества, любви, верности и борьбы за свободу. «Старая дорога» соединяет романтическую интригу с приключенческим сюжетом и атмосферой канадской глуши начала XX века.

Содержание

Глава II	14
Глава III	20
Глава IV	35
Глава V	44
Глава VI	54
Глава VII	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Джеймс Кервуд

Старая дорога

1

Глава I

Клифтон Брант смотрел на себя как на крохотную частицу той пыли людской, что носится по миру.

Мир этот совсем сошел с ума в последнее время, а сам он, Клифтон Брант, среди пылинок — выродок. Поэтому и шагает по широкому шоссе, которое ведет из Брэнтфордтауна (Онтарио) к старому городу Квебеку на реке святого Лаврентия, — всего каких-нибудь семьсот миль, не считая того, что он сделает, отойдя от большой дороги в сторону и затем возвращаясь к ней.

Временем он в данный момент не дорожил. Люди, проезжавшие мимо с быстротой тридцати, сорока и пятидесяти миль в час и заставлявшие его глотать поднятую ими пыль, удивлялись — что он за человек? Было в нем что-то живописно-своеобразное, надолго запоминавшееся. Искатель приключений, в лучшем смысле слова, он никогда сам этого не подчеркивал и до всеобщего сведения не доводил. Но те, что миновали его сейчас, чувствовали это, когда оставляли его в облаке пыли позади. Уже издали они замечали его гибкую, одетую в хаки фигуру, свободно раскачивавшуюся на ходу, несмотря на довольно объемистый рюкзак за плеча-

ми, потом, когда они нагоняли его, вспыхивали живые серые глаза, приветливо махала рука — кивок, улыбка... «Кто бы это мог быть?» — спрашивали они друг друга.

— Безработный, должно быть. Хочет попытать счастья в соседнем городе, — высказывал кто-нибудь предположение.

— Из солдат, судя по походке, — добавлял другой.

— Просто один из тех идиотов, любителей пеших прогулок, что каждую субботу отправляются за город.

А оставшийся позади Клифтон Брант, глотая поднятую ими пыль, удивлялся — что может давать жизнь людям, которые проезжают ее на четырех колесах и красоты ее воспринимают со скоростью мили в минуту?

Золотое солнце садилось за башни и поросшие кленами холмы Брэнтфордтауна, когда он с главной дороги свернул на боковую. Это была скромная и невзрачная, понемногу спускавшаяся вниз дорога, выстланная мягким ковром пыли и извивавшаяся меж тенистых деревьев и кустарников, в которых птицы уже заводи́ли свои вечерние песни.

Сильнее заби́лось сердце Клифтона, и судорога сжала горло: прошло уже больше двадцати лет с тех пор, как он шел последний раз этой дорогой. Шел босиком. Было ему тогда шестнадцать лет. Время пощади́ло дорожку, думал он. Такая же была на ней пыль и тогда; он невольно волновался, ища следы своих босых ног. И деревья те же — как будто не выросли за эти двадцать лет. Он узнавал кусты, у которых часто играл мальчиком, а вот и утес подле них. Утес сейчас не

показался ему таким большим, каким он в детстве привык считать его.

Мягкая улыбка прошла у него по лицу, и в этой улыбке был весь пафос и вся радостная горечь воспоминаний о далеком прошлом и мыслей о годах, которые уходят бесследно, как сама жизнь.

Ему скоро сорок, а кажется, будто он вчера еще был мальчуганом. Нелепо вспоминать прошлое так живо, и вообще неразумно было возвращаться на эту невзрачную дорогу, к прошлому. Не думал он, что будет так больно, что здесь он почувствует себя таким бесконечно одиноким. Он остановился в нерешительности на вершине холма, который когда-то казался ему страшно высоким, потом пробрался через чащу кустарника, миновал изгородь. Там, чуть-чуть впереди — то место, которое он некогда считал своим домом.

Он не стыдился своих слез, не вытирал их, хотя за эти годы прошел через испепеляющие огни и видел многое такое, на что трудно смотреть человеку.

От старого дома остались одни развалины. Огонь уничтожил все внутри, а каменные стены завалились. Победно возвышалась лишь одна крайняя стена — та, у которой помещался большой камин. Клифтон родился холодной зимней ночью, когда ветер завывал в трубе камина. И перед этим же камином грезил о победах и приключениях в чудесном мире, без конца и края раскинувшемся вокруг.

Каким маленьким показался ему сейчас его дом! А пред-

ставление сохранилось — будто он жил чуть ли не во дворце. Он усмехнулся, хотя на душе было невесело. Странная штука — воспоминания детства. Лучше не тревожить их, если хочешь сохранить спокойствие духа.

Плющ и виноград затянули каменный остов, густо разрослись кругом кусты, и уже утвердилась новая жизнь: ничуть не смущаясь его присутствием, прыгали лягушки; золотистый колибри мелькнул и зарылся в медово пахнувший цветок красного клевера, запела желтая малиновка, а ласточки сустились у старого камина, в котором ютились.

Вверху подле изгороди затараторила белка. Там, в дупле старого дуба, всегда жили белки, целыми семьями. «Как изменился дуб!» — подумал Клифтон. Он рисовался ему в воображении самым большим, какое только можно представить себе, деревом, а оказался обыкновенным дубом, меньше многих из тех, которые он миновал дорогой. Отец как-то повесил качели на ветку этого дуба, а мать часто играла с Клифтоном в его тени.

Он отвел глаза от дерева, и сердце вдруг встрепенулось. Недалеко от дуба лежал большой валун, из-под которого вытекал родник с холодной, как лед, водой. И у родника стоял, глядя на него, мальчик — мальчик и подле него — собака. Тот самый мальчик — поскольку Клифтон помнил себя, — который играл здесь и пил из этого родника четверть века назад.

До трогательности бледный и худой длинноногий субъект.

И шляпа на нем была все та же — соломенная шляпа с истрепанными полями и проломленной тульей, и так же не в меру коротки были его штанишки, сделанные из той грубой синей материи, которую он помнит и сейчас так же хорошо, как помнит своего песика Бима, зарытого на опушке леса. Клифтону казалось, что и мальчик, и собака — призраки, вынырнувшие из прошлого. Потому что и собака-то была точно такая же, как старый верный Бим, — ублюдок с отвислыми ушами, выдающимися суставами, слишком большими лапами и узловатым хвостом-дубинкой.

Клифтон разглядел все это, пока подходил, улыбаясь. Мальчик не шевелился, но не спускал с него глаз, крепко сжимая в руке палку, а собака всем тощим телом прижималась к своему хозяину, как бы защищая его. Подойдя ближе, Клифтон заметил и другое: у собаки все ребра можно было пересчитать, а глаза блестели голодным блеском, и мальчик был худее, чем следовало бы. Курточка его висела клочьями, штанишки обтрепались внизу. В широко открытых, странно взрослых, но красивых голубых глазах было то же полуголодное, полузапуганное выражение, что и у собаки.

— Алло! Вы там... с собакой! Что, вода по-прежнему течет?

— Еще бы! — отозвался мальчик. — Все течет. Мы прочищаем, если засоряется, — я и Бим.

— Ты и кто?

— Бим. Собака моя, эта вот.

Клифтон удивленно глянул на него.

— Ты и Бим! Уж не зовут ли тебя Клиф?

Мальчуган удивленно глянул на него.

— Нет. Меня зовут Джо. Что это у вас в мешке?

— А откуда ты взял это имя — Бим — для своей собаки?

— Там вон, на дереве вырезано! Ножом, наверное. А любопытный у вас мешок!

Клифтон отвернулся на мгновение. Отсюда видно дерево, в ласковой тени которого он зарыл Бима. Все воскресенье после обеда проработал, вырезывая эпитафию другу. Мать помогала ему и утешала, когда он плакал. Ему было десять лет тогда — значит, тому уж двадцать восемь лет.

— Да, жизнь сна короче! — шепнул он про себя.

Мальчик осматривал мешок.

— Что там у вас в мешке? — снова спросил он. — На солдатский мешок смахивает.

— Солдатский и есть, — подтвердил Клифтон.

Голубые глаза расширились.

— Так вы солдат?

— Был солдатом.

— И... и людей убивали?

— Боюсь, что — да, Джо.

У мальчугана дыхание перехватило. Бим с опаской обнюхал незнакомца. Клифтон ласково потрепал его по голове.

— Алло, Бим, старина! Доволен, что я вернулся?

Пес лизнул ему руку и помахал хвостом.

— Почему — вернулся? Разве вы бывали здесь раньше?

— Еще бы! Я мальчиком жил в этой куче камней, Джо. Тогда это был дом. Я в нем и родился. И была у меня собака Бим. Она околела, и я зарыл ее там, под деревом, а на стволе вырезал ее имя.

Мальчуган бросил свою шляпу на землю подле рюкзака.

— Что у вас в мешке? — снова спросил он.

Клифтона осенило.

— Там у меня ужин, — сказал он. — Думаешь, домашние твои не рассердятся, если вы поужинаете со мной — ты и Бим? Как бы не втянуть тебя в беду? Бывало, стоило мне опоздать к ужину, как отец направлялся к тому кусту сирени, выламывал прут...

— У меня нет никого, — торопливо перебил его Джо, как бы отвергая заранее все возражения. — Мы остаемся. Нам даже лучше держаться подальше, если старик Тукер дома, — правда, Бим?

Бим одобрительно помахал хвостом, не сводя голодных глаз с мешка, который Клифтон медленно развязывал.

— Нет никого? Как так?

— Померли, должно быть. Тукеру меня отдала община. Старик сам не то чтоб очень злой, а вот миссис его — беда! Оба терпеть не могут Бима. Он в дом и не показывается — бродит по опушке, поджидая меня. Ну, я и тащу ему, что удастся припрятать. Знатный котелок у вас, да-а?

Клифтон достал свою алюминиевую посуду — кастрюль-

ку, кофейник, тарелки, кружки, ножи и вилки — и на минуту задержался, прежде чем развернуть другой сверток. Бим вдруг весь застыл и вытянул длинную шею, принохиваясь.

— Мясо! — воскликнул мальчуган. — Бим почуял. Мясо или курятину — он за милю узнает. Берегитесь, не то утратит. Он — ой-ой, как охоч до мяса!

Клифтон вытянул две большие луковицы, кусок колбасы, полхлеба, разрезанного на сандвичи, четыре апельсина и банку повидла. Он рассчитывал, что этого запаса, вместе с полутора фунтами свежего перемолотого мяса, ему хватит на ужин и на завтрак.

Он улыбнулся Джо, глаза которого становились все круглее по мере появления каждого нового яства. Одной рукой мальчуган судорожно вцепился в загравок Биму.

— Берегите колбасу! — ахнул он. — Бим ужас как охоч!

Клифтон протянул ему веревочку.

— Привяжи-ка пока Бима, — посоветовал он. — Колбасу мы отдадим ему целиком, но пусть подождет и покушает одновременно с нами. Как подобает джентльмену. А теперь — позаботься о топливе, Джо. У нас будет пир горой!

Он поднялся и смотрел на то, как Джо тащил упиравшегося Бима к ближайшему дереву, и вдруг почувствовал, что в нем самом произошла изумительная перемена. Исчезло удручающее его весь день сознание своего одиночества. Исчезло острое ноющее чувство, с каким он несколько минут назад смотрел на развалины того, что было некогда его до-

мом. Тяжесть свалилась с души, и все вокруг представилось в новом, чудесном свете. Лягушки славословили великолепный закат; на старом дубе резвилась красная векша со своей подругой; из лесу неся глухой, знакомый шум жизни. Сердце его забилося сильнее. Он поднял голову и глубоко вдохнул прохладный вечерний воздух.

Потом перевел глаза на мальчика с собакой — и понял: эту перемену вызвали они.

Он начал собирать сухие ветки, тихонько насвистывая. Джо поспешил ему на помощь; глаза мальчугана так и горели, и голос вздрагивал — чудесное приключение! Бим же, испустив один горестный вопль, уселся на земле, выжидая, как истый стоик.

Тонкий столбик дыма потянулся к пылающему небу.

Почувствовав себя на товарищеской ноге с новым знакомым, мальчуган засыпал его инквизиторскими вопросами:

— Вас как зовут?

— Клифтон Брант. Можешь звать меня дядя Клиф.

— Есть у вас собака?

— А вот ты назвал свою по имени моей старой собаки, — значит, твой Бим принадлежит мне наполовину.

— У вас тут родные?

— У меня, как и у тебя, Джо, нет никого на свете.

— Вы останетесь здесь?

— Нет. Завтра уйду.

Голубая сойка простонала в ветвях дуба. Бим снова издал

протяжный вой. Мальчуган на минуту забыл о чудесно пахнущих, шипевших на огне котлетах.

— Почему бы вам не остаться? Зачем вы уходите?

Клифтон рассмеялся и, нагнувшись, взял обеими руками мальчика за лицо.

— Я иду получить долг в миллион долларов, Джо, — сказал он. — Иду давно, и теперь уже почти у цели. Вот почему мне нельзя остаться. Понял?

Мальчик кивнул головой.

— Кажется, — сказал он. — Можно мне уже привести Бима?

Глава II

Пока они ужинали, солнце опустилось за кленовые холмы к западу от Брэнтфордтауна.

Клифтон был голоден, но не давал воли своему аппетиту, искоса наблюдая за мальчиком и собакой. Мальчик ел с такой жадностью, которая наводила на мысль о постоянной голодовке, а Бим глотал ломтики колбасы с какими-то всхлипываниями, исходившими, казалось, из самых недр его существа. Джо откровенно сознался, что старается припрятывать для Бима часть той пищи, которую сам получает у старика Тукера.

— Когда у нас молочная похлебка, Биму беда, потому что похлебку в кармане не унесешь, — пояснял он.

— А кто такой старик Тукер? Что он делает?

— Просто, Тукер. Не случилось видеть, чтобы он делал что-нибудь. Райлеев малый говорит: он водку индейцам в заповеднике сбывает. Сказал я как-то об этом старику — так он чуть дух из меня не вышиб... Вот, глядите...

Он нагнулся и завернул изодранную куртку. Худая белая спина была вся исполосована ремнем.

— Это за то, что мы с Бимом налетели на него в самой что ни на есть топкой части Бэмбл Халлоу: он там кипятил что-то на огне в чудном таком котле.

— Дьявол! — вырвалось у Клифтона.

Немного погодя мальчуган с глубоким вздохом откинулся назад и прижал руки к животу.

— Больше не лезет, — сказал он. — Да и Бим, кажется, тоже кончил. Помыть посуду?

Они вместе спустились к роднику и песком вычистили кастрюли. Когда они перебирались через изгородь, последние красные блики потухали на мягкой белой пыли дороги.

Мальчик тревожно поглядывал на своего спутника, шагая рядом с ним по дороге.

— Где же вы будете ночевать сегодня? — спросил он у Клифтона.

— На индейском кладбище, Джо.

— Я близехонько оттуда живу. У вас там есть кто? Покойник? На кладбище?

— Моя мать, Джо.

— Да разве вы индеец?

— Наполовину, Джо. Там и бабушка моя похоронена.

Наступило молчание. Сумерки быстро опускались, тени сгущались в кустарнике; в придорожной траве трещали кузнечики; древесные лягушки словно нехотя пророчили дождь.

Клифтон больше всего любил эту пору дня, но сейчас, в этой мирной обстановке, снова почувствовал себя невыразимо одиноким, и то же чувство заговорило, видимо, в мальчике. Худая ручонка уцепилась за его руку, и Клифтон накрыл ее своей ладонью. Некоторое время они молчали. Вдруг из-

под ног у них стремительно метнулся заяц, и Бим сломя голову бросился за ним вслед.

Мальчуган крепче сжал пальцы.

— Мне жаль, что вы уходите завтра, — сказал он, и голос его прозвучал очень слабо, очень устало. — Если бы нам уйти с вами — мне и Биму.

— Я и сам рад бы...

Они подошли к холму, на котором, в роще елок и сосен, стояла церковь. У начала тропинки, сворачивавшей к старомодным воротам, Клифтон остановился.

— Да неужели же вы будете здесь спать? — прошептал Джо с расширившимися глазами. — Темень-то какая!

— Наш брат темноты не боится, Джо. Да, я буду спать на кладбище. Там красиво, Джо. И кругом — одни друзья...

— Ух! — содрогнулся мальчик. — Бим! Бим! Где ты?

— Беги-ка домой, — посоветовал ему Клифтон. — А завтра я, может быть, успею еще раз повидать тебя. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Мальчуган отошел, и, по мере того как он удалялся, Клифтону казалось, что этот босоногий оборвыш, маленький бродяга с большой дороги, уносит с собой кусочек его самого. Джо несколько раз оглядывался, пока сумерки не поглотили его. Бим шел за ним по пятам.

Клифтон свернул на тропинку и открытыми настежь воротами прошел на кладбище. Он знал, что здесь перемен нель-

зя было ожидать. Это место не менялось. Он снял рюкзак, прислонился спиной к стене церкви и стал ждать появления луны.

Луна поднималась. Она выглядывала из-за деревьев в том месте, где они росли реже. В детстве, в его играх с матерью, луна всегда играла большую роль. Она была для них живым существом, которое они называли по-разному, смотря по тому — как она выглядела. Иной раз месяц напоминал старого джентльмена в туго накрахмаленном воротничке и с двойным подбородком; в другой раз — разбитного забавника, самоуверенно поглядывавшего кругом; но больше всего они любили месяц, когда у него бывал флюс; и вот такой-то месяц с флюсом, с головой набок и припухшей щекой, поднимался сейчас из-за деревьев. И всегда, когда у месяца бывал флюс, на широкой лоснящейся физиономии его расплывалась улыбка и весело подмигивали его глаза.

И мать говорила Клифу:

«Всегда, когда тебе будет плохо, когда не ладиться будет жизнь, — вспоминай Месяц с Флюсом: он тогда-то и улыбается и подмигивает нам, когда ему особенно скверно. Так поступает мужественный Старик Месяц, так поступают все мужественные люди».

Клифтон вспоминал и, вспоминая, трепетно следил за тем, как, освещаемое месяцем, преобразалось все вокруг. Предметы принимали определенные очертания, и из мрака выступали деревья. Лунные лучи играли на поверхности ста-

рого колокола и скользили по церковным стенам. Вот они легли на чугунную решетку и надгробный камень Тэйнданеги — Жозефа Бранта — Могавка, самого славного из племени Ирокезов. Потом, по обе стороны его, один за другим возникали из мрака холмики, с которых века смели даже прах надгробных камней. Здесь были похоронены последние из Шести Племен, нашедшие убежище в дружественной им Канаде после того, как лежащая южнее родная их страна погибла для них навсегда, залитая потоками крови.

Это был народ его матери, его народ. Он всегда гордился этим. Его мать знала их трагическую историю и все легенды, передававшиеся из уст в уста.

Странное чувство успокоения охватило его, когда о" проходил меж могил. Словно он, после долгой и упорной борьбы, пробился наконец домой. И, когда он остановился у того места, где лежала его мать, был он радостно и приподнято взволнован. Много понадобилось ему лет, чтобы довести себя до этой минуты, и сейчас он сам удивлялся той тишине, которая спустилась ему в душу.

Немного погодя он разостлал на земле одеяло и, усевшись, вытащил трубку и закурил. Это вышло у него совершенно естественно: преобладало сознание, что он двадцать два года кружил по кругу и наконец вернулся к своему исходному пункту.

Но он был утомлен и вскоре не мог устоять перед желанием растянуться на одеяле; на сосновых иглах мягко было ле-

жать. Он смотрел на звездное небо и случайно вспомнил, что древесные лягушки на этот раз ошиблись. Вспомнил Джо. Не пришлось ли ему внести на свой актив новую трепку? А старик Тукер — не кипятит ли он снова кое-что в чудном котле у Бэмбл Халлоу? Надо завтра проверить — он знает то место, где Тукеру всего удобнее было бы прятаться.

А потом, раздумывая в полусне, он отправится за своим миллионом долларов...

Мудрая старая сова, сидевшая на густой верхушке сосны, под которой он лежал, заметила, когда он уснул. Она негромко прокричала несколько раз и потонула в лунном свете, торопясь на охоту. Проходил час за часом. Становилось прохладнее, и от земли поднимался густой туман. Месяц взбирался все выше, потом начал спускаться к западу. Сова вернулась и, усевшись на колокольне, победно крикнула. Мрак не надолго спустился на землю; кузнечики умолкли, на востоке загоралась заря.

Что-то шершавое и теплое коснулось щеки Клифтона. Он открыл глаза и увидел позлащенные солнцем верхушки деревьев. Пели птицы.

Потом свет от него заслонила косматая голова, и горячий язык Бима снова дружелюбно лизнул его.

Он сел.

— Доброе утро, Бим!

Глава III

Клифтон поднялся и потянулся. Бим приветливо ластился и махал хвостом. Клифтон проспал по крайней мере лишний час против обычного времени. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, птицы давно проснулись, а с дороги доносился грохот колес и чей-то голос, сзывавший стадо. Он ласково потрепал Бима по голове и оглянулся вокруг.

Взор его тотчас привлекла маленькая, скорчившаяся фигурка, прикорнувшая у подножия сосны. Он узнал Джо. Мальчуган уснул, прислонившись к дереву, потом голова его поникла к самым коленям. Истрепанная шляпа откатилась в сторону, а в руках он сжимал по горсточке темных игл, как будто перед сном цеплялся за них. Было что-то необычайно патетическое и трагичное во всей его позе — в сгорбленных плечах, изодранном платье, в загорелых худых ногах, в свисавшей на колени пряди густых белокурых волос.

Улыбка угасла на устах Клифтона, а глаза затуманились. Он подошел ближе и нагнулся. На шее мальчика проступил свежий черно-синий рубец, и один рукав курточки был разорван до самого плеча. С полминуты Клифтон стоял, тяжело дыша.

Потом он увидел и другое: подле мальчика, немного позади, лежал узелок: кусок старого мешка, перевязанный бечевкой, в которую была просунута палка, и тут же — возле

узелка — самое древнее и забавное ружье, какое когда-либо видел Клифтон, а ведь он побывал на войне! Это было старинное шомпольное дробовое ружье. Треснувший приклад был перевязан проволокой, мушка совсем сбита на сторону, шомпол заменен ивовым прутом. Клифтон поднял ружье, и смертельное оружие ходуном заходило у него в руке; тут же стояли две четырехунциевые бутылки, до половины наполненные, одна — дробью, другая — порохом.

Улыбка снова заиграла на лице Клифтона.

Бим заворчал.

— Да я не собираюсь стянуть его, старый дуралей! За-молчи!

Он положил ружье наземь. В эту минуту мальчик пошевелился, открыл глаза, протер их тыльной стороной грязных рук. И увидел стоявшего перед ним Клифтона.

Он поднялся на ноги, и лицо его вдруг осветилось широкой приятельской улыбкой.

— Доброе утро!

— Доброе утро, Джо! Ты когда пришел?

— Не знаю, еще темно было. Бим нашел вас. Мы идем с вами!

— Вы... что такое?

— Идем с вами, — доверчиво повторил Джо. — Так и сказали вчера старику, и уж он отхлестал нас за это, а, Бим? Правда?

— По шее попало, да?

Джо кивнул головой.

— Скорей, — заторопился он. — Если бы Тукер нашел нас здесь...

— Уж не он ли идет по дороге? — высказал Клифтон предположение. — Он?

Мальчик вдруг замер и перевел на Клифтона голубые глаза, в которых был такой ужас, что Клифтон, хотя и не переставая улыбаться, медленно сжал кулаки.

— Это он! Это Тукер! Он идет за мной и за Бимом!

Мальчуган схватился за ружье, но Клифтон отодвинул его назад.

— Жди меня здесь, Джо, — приказал он.

— Он увидел нас! Он идет! — стонал мальчуган. — Вот он уже у ворот.

— Я пойду ему навстречу. А ты оставайся здесь.

Он шел к воротам не торопясь, чтобы выгадать время и успеть оглядеть Тукера. Уродливее человека ему не приходилось видеть. Начать с того, что он был отвратительно грязен — это было видно даже на расстоянии. А Клифтон не переваривал грязных людей. Отталкивающее лицо поросло красноватой щетиной, которая должна была изображать бороду, а одна щека отдулась благодаря большой порции жевательного табаку; неуклюжий, с маленькими свиными глазками, Тукер, как и следовало ожидать, держал в руке тяжелую, залоснившуюся от употребления палку, самое подходящее орудие для нападений в темноте из-за угла.

Клифтон умел улыбаться, когда хотелось убить. Он вынул из кармана свою единственную сигару и протянул ее Тукеру.

— Вы — Тукер, я полагаю?

— Да, Тукер. — Старик взял сигару, глянул на нее и бросил ее наземь. — Какого черта вы тут делаете с этим отродьем?

— Тихо, тихо, мистер Тукер. Я странствующий представитель закона. Кстати, мое имя Брант, и вчера в Брэнтфорд-тауне я случайно приобрел обратно старую землю Брантов, к которой относится и болотце, известное под названием Бэмбл Халлоу, а так как я намерен жить здесь, то мне хотелось бы оградить эти места от подозрений, и если бы не Джо, мой племянник...

— Ваш?..

— Племянник, Тукер. Если бы не он, я бы сейчас же отправил вас в тюрьму.

— Он наплел вам...

— Ничего подобного. Я, видите ли, дядюшка ему лишь со вчерашнего вечера, но я забираю его с собой в Монреаль... и дальше. — Он шагнул к старику, который испуганно отступил на несколько шагов. Клифтон опустил руку в карман и вынул оттуда самый невинный бумажник.

— Я дам вам, во-первых, двести новеньких долларов, какие никогда еще не попадали в ваши грязные лапищи; будь у вас уши почище, вы бы слышали, как они шуршат. Это за то, что вы так хорошо заботились о Джо.

Тукер значительно подмигнул, пряча деньги в карман, и в то же время, нагнувшись, подобрал сигару.

— Это вы правильно: сигара хорошая.

Он не ошибся: Тукер — трус и справиться с ним не трудно. Он из тех пресмыкающихся, что лучше видят в темноте.

— Во-вторых, дам вам совет: я сообщу кое-что властям в Брэнтфордтауне и попрошу на этот раз пощадить вас, но бросьте свои проделки. Купите лучше трех-четырех коров. Сейчас мы простимся с вами и вернемся примерно через год. И если к тому времени вы не научитесь умыться и жить по-честному — плохо будет ваше дело, Тукер!

На этот раз они шли навстречу солнцу. Некоторое время Джо молчал. На плече он нес свой узелок, в руках — знаменитое ружье. Глаза его сияли так, как не сияли раньше никогда, — ни ночью, ни днем.

Наконец он спросил, с оттенком благоговейного страха:

— Как вы это узнали?

— Что такое?

— Насчет Тукера?

Клифтон рассмеялся. В глазах у него тоже появилось новое выражение, какого не было накануне, при заходе солнца.

— Догадался по твоим словам о Бэмбл Халлоу. У меня самого, пожалуй, больше, чем у Тукера, шансов попасть в тюрьму.

— За то, что вы взяли меня с собой?

— Нет, не за это. Ты мой племянник, не забывай. Мне

нужна семья, и вот я заполучил тебя и Бима. Однако, что у тебя в узелке? Давай посмотрим.

Они остановились, и Джо выложил на обочину дороги содержимое своего узелка: там была кое-какая одежда, изорванная и испачканная, кусок резиновой трубки, отвертка, гвозди, молоток и чучело совы.

Клифтон серьезно рассматривал имущество Джо.

— На что резина?

— Чтоб из рогатки стрелять.

— А отвертка?

— Отвертка и молоток — инструменты.

— А сова?

— Она — на счастье. У кого сова есть — тот в темноте видит.

— О!

Мы идем по серьезному делу, Джо; и сейчас эти вещи нам пригодиться не могут. Давай спрячем их куда-нибудь. Вот за этим стволом, в изгороди, например.

Джо подхватил с земли свое ружье и так крепко сжал его ручонками, что они побелели.

— Только не это!

— Нет, ружье можешь взять с собой.

Они направились прямо в город; позавтракали в ресторане, где пахло кофе, свининой и жареным картофелем и где Бим вволю наелся в кухне. После этого Джо был обмундирован в костюмчик хаки, башмаки на толстых подошвах, бой-

скаутскую шапку, галстук и все прочее. Затем они вторично проделали тот же путь мимо индейского кладбища. Джо сразу показал себя привычным ходоком. Ему казалось, что тысячи автомобилей мелькают мимо них каждый час. Клифто-ну чаще прежнего любезно предлагали подвезти всю компанию; высокий мужчина, стройный мальчик и костлявая собака представляли необычайную комбинацию на большой дороге.

Было уже под вечер, когда, в двенадцати с лишним ми-лях от города Гамильтона, их обогнал быстро шедший ши-карный автомобиль. Сидевший сзади мужчина вдруг с удив-лением обернулся. Но облако пыли закрыло от него дорогу, и он опустил на свое место, бормоча извинения.

— Если бы это не было невозможно, я сказал бы, что знаю этого человека! Поразительно, до чего он похож! Я поклясться бы готов, что знал его два года назад на Янтсе-Ки-анге, где он, по поручению китайского правительства, зани-мался облесением района. Ему надо было посадить двадцать пять миллионов деревьев. Шесть месяцев спустя его убили туземцы в Гайпоонге, в Индо-Китае. Я словно увидел вос-ставшего из мертвых человека, притом человека, к которому я был очень привязан.

— Пожалуйста, остановите машину! — воскликнула си-девшая рядом с ним девушка.

Смуглое лицо джентльмена слегка покраснело.

— О, нет, не надо! — запротестовал он. — Это нелепо.

Мы вместе с ним прошли всю войну. А по окончании ее он начал странствовать. Говорил, что война что-то выела в нем, а что — он и сам не знает, но только не может нигде осесть и заняться по-старому лесоводством. Странное объяснение он давал, когда его спрашивали — почему он не возвращается домой?

— Какое же? — спросил кто-то.

— Будто он боится убить одного человека, когда вернется.

— У этого прохожего хорошие глаза, — помолчав, сказала девушка. — Он улыбнулся нам. А как звали вашего приятеля, полковник Денис?

— Брант, Клифтон Брант, — ответил полковник. — Он работал где-то в Верхнем Квебеке, в лесах, когда разразилась война. У отца его, кажется, были там участки. Сам он пользовался репутацией выдающегося лесовода.

Клифтон свернул в лес и, следуя по течению небольшого ручья, углубился в чащу. Отойдя довольно далеко от дороги, они набрали на небольшое озеро.

— Ужин и... ванна, — заявил он. — Ванна сначала, Джо. Вот тебе полотенце и мыло, да хорошенько выскреби Бима. Он почти так же грязен, как старик Тукер.

Он стоял настороже, пока Джо полоскался в воде, потом наступила его очередь, а там они вместе занялись приготовлением ужина, который на этот раз состоял из бифштекса («Двухгодовалый и молоком выпоенный бычок был», —

утверждал мясник). Клифтон с удивлением заметил, что уже за один этот день лицо мальчугана стало менее измождено и исчез тревожный блеск в глазах.

— Вот где спать хорошо, — говорил Клифтон. — Нет ничего лучше свежего воздуха — от него и здоровье, и богатство, и мудрость, Джо. Запомни это. Если будешь жить на свежем воздухе и развивать в себе чувство юмора — проживешь припеваючи до самого конца. Надо уметь во всем находить забавную сторону. Иначе — человеку крышка. Ведь ты забавный малый, Джо, забавный и Бим, и я, и все люди...

Он развернул купленную в городе газету.

— А всего забавнее — женщины; все, кроме наших матерей. Вот тут нарисована одна — ноги ее миллион долларов стоят. А вот — ну, еще бы! Было бы смешно, если бы не было противно, — стриженная Венера и надпись: «Красивейшая девушка Америки»! Знаешь, Джо, будь на свете всего одна женщина — я не женился бы на ней, если бы она была стриженная. Я все равно, положим, не женился бы, но стриженные волосы служили бы гарантией, что даже в минуту слабости я устоял бы.

— Это ужасно, — пролепетал Джо.

— Да, ужасно — стриженные волосы и ноги в миллион долларов ценой. Вернемся, однако, к первой странице...

Джо ждал продолжения монолога, но вместо этого увидел, что в лице Клифтона произошла неожиданная перемена. Оно все застыло и напруглось, веселые искорки в глазах

потухли. Он забыл о Джо, о Биме и, комкая газету в руке, поднялся на ноги. Поднялся и Джо, немного испуганный.

— Но бывают вещи и не забавные, — сказал Клифтон, не столько Джо, сколько самому себе. — Вот, например, я только что узнал из газеты, что человек, от которого я должен получить миллион долларов, в четверг отплывает из Монреаля в Европу. Сегодня вторник. Нам нельзя ночевать здесь, Джо. Нам надо спешить.

Джо опешил, так быстро стали разворачиваться затем события. Клифтон впервые хладнокровно остановил какой-то автомобиль и попросил, чтобы их подвезли. В Гамильтоне они пересели в другой автомобиль и помчались в Торонто. В шуме и грохоте залитого электрическим светом города Джо совсем растерялся. В одной руке он сжимал свое ружье, другой так вцепился в веревочку, на которой был привязан Бим, что она выдавила желобок у него на ладони. Клифтон обнял его за плечи, чтобы успокоить.

Они подъехали к колоссальной величины зданию, у которого, как неустанные пчелы, кружили сотни автомобилей; Клифтон выскочил из автомобиля и бегом потащил Джо за собой; они остановились у какого-то окошечка, миновали решетку и почти на ходу вскочили в поезд. Бим икал и дико ворочал глазами. Получив пятидолларовую бумажку, проводник взял его на свое попечение.

На другой день они приехали в Монреаль.

Клифтон раздобыл письменные принадлежности, написал

письмо, и, справившись по телефону, в городе ли Бенедикт Эльдоз и получив от его экономки утвердительный ответ, сунул письмо в карман курточки Джо, и карман заколол булавкой.

— Я посылаю тебя к своему другу, — объяснил он. — Он позаботится о тебе и о Биме. Я проведу вас сегодня или завтра. Вернее, сегодня! Вещи свои я пошлю с тобой. Ты не боишься, Джо?

— Кажется, не очень. А почему вы не едете с нами?

— Надо раньше покончить с одним делом.

— Насчет миллиона долларов?

— Ты угадал, Джо. Насчет миллиона долларов.

Он усадил мальчугана в такси и дал кучеру записанный на бумажке адрес.

Бледное личико Джо выглядывало из окошка, пока экипаж не завернул за угол.

В первый раз за последнее время Клифтон облегченно вздохнул. Теперь — что бы ни случилось — есть кому позаботиться о Джо. Бенедикт Эльдоз вместо него возьмет на себя эту обязанность. Чувство юмора понемногу возвращалось к нему, и он улыбался, представляя себе, как англичанин удивится, когда появится Джо с письмом.

Все тот же ли Эльдоз, чудаковатый и тощий и бесконечно милый малый, каким был, когда они вместе бродяжничали по Индии и Туркестану? Наверное, не изменился. И как же он поразится, узнавши, что старый его приятель, чело-

век, который в Симле спас его душу и его свободу, жив — и здесь, в городе!

Шагая по улицам Монреаля, Клифтон думал о маленькой белокурой вдове, которая чуть было не «заполучила» Бенедикта, пока он поправлялся после лихорадки. Пожалуй, она до сих пор ненавидит его, Клифтона, за то, что он силой увез Эльдоза; может быть, она снова вышла замуж, может быть, умерла. Во всяком случае Эльдоз вечно будет благодарен ему за спасение. Забавный этот мир! И люди, двуногие эгоисты, никогда не устают разыгрывать свои банальные комедии и трагедии, глубоко убежденные в их значительности.

Вот и он сегодня затевает небольшую инсценировку. По возможности постарается ограничиться комической драмой вместо мрачной и надоевшей трагедии. Даже смерть такого человека, как Иван Хурд, председателя и главного акционера Хурд-Фуаской компании по производству бумаги, должна вызывать улыбку. По крайней мере он рассчитывает, что в этом будет доля всеоправдывающего юмора.

Было четыре часа по его часам, когда он подошел к тому перекрестку, на который до войны выходили здания компании. Сейчас старый дом был снесен, и его заменило громадное, массивное каменное здание с надписью по фронтому: «Здания Хурд-Фуа».

Он поднялся на лифте в помещение конторы. Было четверть пятого. Его встретило металлическое шелканье пишущих машинок. Целая армия служащих была собрана здесь.

Он не спешил. Проходя мимо зеркала, подумал: узнает ли его Хурд? За время войны он внешне сильно изменился, за последующие десять лет — еще больше.

В половине пятого он спросил, можно ли видеть Ивана Хурда.

— Он занят. Не угодно ли подождать?

— Нет, — отозвался Клифтон. Он написал несколько слов на клочке бумаги. — Пожалуйста, передайте ему. Дело спешное.

Его пригласили в кабинет Ивана Хурда.

Он вошел и, когда дверь закрылась за ним, обернувшись, запер ее.

Даже и сейчас он не торопился, не пытался скрыть своих намерений. Он знал, что сидящий в конце комнаты за большим ореховым столом человек следит за ним, и мысленно представлял себе, каково будет его удивление, когда он, Клифтон, станет с ним лицом к лицу. Он беглым взглядом обвел большую комнату, всю отделанную орехом и красным деревом, с толстым розово-серым ковром на полу. В дальнем углу ее была маленькая, полуоткрытая дверь, за которой виднелась софа; Клифтон решил, что это комната, где Хурд отдыхает и что в ней нет никого.

Хурд повернулся лицом к посетителю. Крупный человек, он большими жирными руками держался за подлокотники кресла. Круглое, массивное лицо и такая же голова заставляли вспоминать о его немецких предках. Широкие плечи, при

надлежащей тренировке, свидетельствовали бы о громадной силе. Светло-голубые глаза от гнева блеснули сталью, когда Клифтон небрежно бросил шляпу на стол, на котором стояла ваза с цветами. Во рту у Ивана Хурда торчала сигара. Возраст он был всего на год-два старше Клифтона.

— Что вы делали там с дверью? — спросил он.

— Запирал ее, — ответил Клифтон.

Он опустился в кресло у стола; в руке у него был револьвер, который он направил на Хурда.

— Не вставайте и не издавайте ни одного звука, который мог бы привлечь чье-либо внимание. Это для вас единственный шанс прожить лишних полчаса. Я проделал двадцать тысяч миль, стараясь подавить в себе желание убить вас, и не стану портить все дело теперь, когда природа взяла свое.

Клифтон говорил тихо, но голос его зловеще вздрагивал.

— Кто вы такой и что вам нужно от меня?

Иван Хурд был не трус. Он нагнулся вперед, ожидая ответа. Лицо его понемногу бледнело.

— Вы меня не знаете?

— Нет!

— Никогда раньше не видали?

— Никогда не видел.

Клифтон упорно смотрел ему прямо в лицо — в жизни Ивана Хурда не было четверти минуты длинней.

— Вы, вероятно, сами верите, что говорите правду, — сказал Клифтон наконец. — Но... — он подождал мгнове-

ние и закончил: — Я — убитый в Гайпоонге и воскресший Клифтон Брант.

Глава IV

Клифтон слышал тикание небольших, слоновой кости, часов на письменном столе; слышал приглушенный шум и движение за дверью. Ему показалось даже, будто какой-то звук донесся из комнаты позади кабинета. Но это, несомненно, был обман слуха.

За эти минуты Хурд весь как-то осел, и стальной блеск в глазах потух, сменившись выражением ужаса. Он узнал якобы убитого в Гайпоонге человека.

Он пытался заговорить, но получился лишь хриплый шепот. Он беспомощно переводил взгляд с дула револьвера на лицо улыбавшегося Клифтона. Безумный? Только безумный мог так улыбаться в такую минуту — без злобы и ядовитости, но с чем-то более страшным в глазах.

— Чего вы хотите?

— Вас, — ответил Клифтон.

Свободной рукой он вынул из кармана часы.

— Через восемнадцать минут служащие разойдутся. Останется кто-нибудь?

— Мой секретарь.

— Позвоните ему и скажите, чтобы он ушел в пять часов и чтобы после этого часа вообще никто не оставался. И если вы допустите ошибку, Хурд, если голос ваш дрогнет, и вы чем-нибудь возбудите подозрение — я убью вас!

Иван Хурд колебался некоторое время, потом взял телефонную трубку и спокойным ровным голосом сделал распоряжение.

Клифтон одобрительно кивнул головой.

— Вы приятно удивляете меня. Противно убивать труса. Все равно, что червяка раздавить.

Хурд постарался подтянуться, раскуривая потухшую сигару. Он облизнул губы.

— Теперь нам никто не помешает. Поговорим о делах.

— О каких делах?

— О деньгах, разумеется. Ведь вам нужны деньги, Брант. Сколько?

Глаза Клифтона засмеялись.

— Ко всему в жизни примешивается что-нибудь забавное. От трагедии до комедии — один шаг. Помню, во Фландрии я видел, как граната разорвалась над человеком, ехавшим в запряженной осликом тележке. Я в ужасе закрыл глаза и чуть не лишился сознания, но, когда дым рассеялся, оказалось, что от ослика и тележки следов не осталось, а человек сидел на земле живехонький, без единой царапины, только черный, как в смоле вываренный. Это было смешно. Но сейчас еще смешнее. Мне не нужны ваши деньги. Этим зданием и всем, что в нем заключается, не покрыть вашего долга мне. И через девять минут вы будете в моих руках. Вообразите себе, какое комичное зрелище вы, при вашей толщине, будете представлять, после того как я разделаюсь с вами.

— Да вы с ума сошли!

— Возможно! Человек, оживший после того, как его за-
резали в Гайпоонге, да чтобы был в здравом уме! А знае-
те вы, что вы должны мне? Вы убили моего отца, убили в
то время, когда я там, на фронте, участвовал в боях, кото-
рые вам давали возможность сколачивать состояние в десят-
ки миллионов. Вы жирели от денег, тогда как я терял все,
что у меня было на свете.

Теперь я пришел рассчитаться с вами. Вы боялись этого
дня. Я предупреждал вас. Получали вы мои открытки каж-
дые шесть месяцев? Разумеется, получали. Вы знали, что вы
вор и убийца, хотя для правосудия и неуязвимый, и вы боя-
лись. Потому и постарались устранить меня. Говорят, гайпо-
онгские убийцы получили по восемьсот долларов на амери-
канские деньги. Вашему агенту Готлибу достался жирнень-
кий куш. До пяти часов остается одна минута. Как вы дума-
ете, сколько вы должны мне?

Клифтон нагнулся вперед и положил палец на собачку ре-
вольвера. Хурд силился заговорить. На посеревшем лице вы-
ступил пот. Губы побелели, обвисли. И руки, и все тело его
конвульсивно дрожали.

Маленькие слоновой кости часы серебристо прозвонили
пять раз. Где-то хлопнула дверь; ни один звук не нарушал
тишину.

Клифтон начал считать.

— Раз, два!

— Великий Боже, не стреляйте!

— Сколько вы должны мне?

— Сколько хотите!

— На колени, Хурд!

Жирная масса соскользнула со стула.

— Дарю вам пять минут жизни. Отвечайте на мои вопросы. Я хочу слышать правду из ваших уст. Если солжете, убью сразу. Преступными способами отняли вы у моего отца его лесные участки, пока я был на войне? Да?

Толстые губы шевельнулись:

— Да.

— Были вы причиной смерти моего отца?

— Косвенной... да...

— Наняли вы убийц в Гайпоонге, чтобы убить меня?

Тяжелая голова опустилась на грудь. Хриплый крик вырвался из груди. Хурд закрыл лицо руками. Это было признание.

Если бы в этот момент Клифтон отвел глаза от скорчившегося у ног его человека, он заметил бы, что маленькая дверь тихонько приоткрылась.

Но он не сводил глаз с Ивана Хурда. Вот она, месть! Все осевшее тело лесного короля, каждой своей линией, выражало полную безнадежность. Со свойственным его коренной нации стоицизмом он ждал конца. Он пойман и, сам никогда не давая пощады, не рассчитывал на пощаду. Мешок колыхающегося, как студень, мяса, этот владелец миллионов —

финансовая сила, влиятельный политик, уклонившийся от непосредственного участия в войне, — как страус прятал голову, до глубины души перепуганный черненьким дулом револьвера!

И тут Клифтон расхохотался звонким, веселым смехом, в котором был оттенок торжества. Иван Хурд поднял голову. Он видел, как противник взялся за обойму револьвера. Она выскочила, полетела на пол. Хурд поднял ее вялыми пальцами. Обойма была легкая. Обойма была пустая.

Револьвер не был заряжен.

Хурд поднялся, шатаясь, и хлопнулся в кресло.

Прерывистые вздохи, нечто вроде рыдания вырвалось у него из груди,

— Что, испугал я вас, Хурд?

Клифтон снимал пиджак.

— Беда с вашим братом, что нет у вас чувства юмора. Чуть дело дойдет до того, чтобы умереть или убить, вы бываете до нелепости примитивны. Я пришел за своим миллионом долларов и покажу вам, как можно получить его. Ни в виде звонкой монеты, ни в виде кредиток он мне не нужен, потому что я денег терпеть не могу. Но вы, своей шкурой, дадите мне удовлетворения на миллион. Убить голыми руками — в этом есть заслуга? Готовы вы?

Он обошел стол. Хурд смотрел на него, снова вцепившись в ручки кресла. Клифтон ударил его по лицу тыльной стороной руки.

Хурд с проклятием вскочил на ноги. Его напугали, унизили, а теперь бьют! И проделывает это человек с незаряженным оружием, легче, меньше его ростом, сложением мальчишка по сравнению с ним!

Хурд сбросил свой пиджак. Он оказался необычайно подвижен для человека его веса. Было что-то дьявольское в том порыве, с каким он бросился на Клифтона. Тот встретил его метким ударом в толстый живот.

Они сцепились и налетели на стол. Клифтон удивился, почувствовав, что у Хурда руки и плечи как деревянные, что в них есть сила, о существовании которой он и не подозревал. Проведи Хурд месяц в лесу, из него вышел бы великан.

Его собственное тело, тренированное ходьбой и жизнью на воздухе, легко приспособлялось к положениям, и, сообразив свою ошибку, он ударил Хурда. Услышал, как треснула челюсть. Они вместе повалились под стол. Даже в это мгновение Клифтон почувствовал комическую сторону положения: два взрослых человека катаются под столом на ковре. Стол сначала перевернулся на бок, потом лег на них, так что они барахтались под ним, как двое сцепившихся насекомых под упавшей на них щепкой.

Они продолжали бороться. Пальцы Хурда нащупывали шею Клифтона. Они выбрались из-под стола. Первым вскочил на ноги Клифтон. Улучив удобную минуту, он обеими руками схватил рубаху Хурда у воротника и одним движением сорвал с него воротник, рубаху и жилет. Тело Хурда

обнажилось по пояс. Воротничок и галстук повисли на одном плече. Бриллиантовая булавка полетела на пол. Клифтон, слегка растрепанный и с синяком на лбу, смотрел на него, холодно посмеиваясь.

Хурд издал звук, напоминавший кваканье большой лягушки. От бешенства глаза его налились кровью и вместе с тем позеленели. Он бросился вперед, протянув огромные ручищи, как клешни, к шее Клифтона, но тот быстрым движением ударил ему по ногам, и Хурд полетел через него. Мелькнули в воздухе толстые ноги, у одной болталась лопнувшая, белая с красным подвязка. Клифтон в мгновение был подле него и колотил по бычьей голове каждый раз, как она приподнималась от пола.

Хурд сам подсказал ему выход: унижение хуже физического уничтожения; приведенный в беспомощное состояние, униженный в собственных глазах, Хурд выпьет до дна чашу позора, и в душе его останется рана, которая до конца дней его будет гореть и саднить.

Ухватившись за эту мысль, Клифтон, в рукопашной с человеком, которого ненавидел и решил когда-нибудь убить, забыл законы борьбы и правила приличия.

А маленькая дверь — он мог бы это заметить — стояла уже настежь открытая.

Но он ничего не видел, он не помнил себя в безумной злобе, которую до сих пор сдерживал, маскируя ее улыбкой. Они катались по полу, переворачивая стулья, столы; Хурд тяжело

всхлипывал; платье висело на нем клочьями. Они вскочили на ноги. И, наконец, Клифтон нанес решительный удар. Хурд не потерял сознания и, лежа на полу, заплывшими глазами с ненавистью смотрел на врага. Клифтон поднял перевернутое кресло и подтащил к нему Хурда. Понадобилось напряжение всех сил, чтобы поднять огромную тушу в кресло, но эффект получился потрясающий.

Хурд — эти двести фунтов бесформенного оплывшего мяса — не был ни страшен, ни даже противен, а только чудовищно смешон. Клифтону доставляло величайшее удовольствие то обстоятельство, что Хурд, очевидно, прекрасно сознавал, что произошло, вполне отдавая себе отчет в том, какое он представляет собой неопишемое зрелище, и в то же время даже рукой пошевелить не мог.

Клифтон повернул к дверям. Пальцы плохо слушались его. Он отпер дверь и, выйдя, запер ее за собой. Тут же опустился на ближайший стул. У него кружилась голова. (Хурд ударил его по голове ножкой сломанного стула). «Как некстати», — подумал он.

Он слышал, что тут же, в комнате, стучит маятник часов, но стрелок рассмотреть не мог. Он видел, что лучи солнца врываются в раскрытое окно, но столы и стулья, отделявшие его от окна, расплывались в тумане.

Он закрыл глаза руками и ждал.

Минуты протекали. И вдруг его привело в себя нечто неожиданное, пугающее.

Взрыв хохота! Негромкий. Девичий смех, может быть — женский; определенно музыкальный и приятный. Клифтон вскочил на ноги. Изумительней всего было то, что смех слышался из кабинета Ивана Хурда.

Смех не повторился. Клифтон слушал, затаив дыхание, и немного погодя из-за двери кабинета лесного короля донесся к нему веселый голос; он отчетливо расслышал слова:

— О, мистер Хурд, какой вы смешной!

Глава V

Если бы в комнате Хурда раздался женский визг, это было бы естественно: женщины часто визжат, даже без особого повода, — из-за мыши, обрызганного платья и прочего, — но... смех\

Он шагнул к дверям. Первым его побуждением было войти в кабинет, но он одумался, учтя значение присутствия женщины в комнате Хурда. Он слышал, как она ходила по комнате... Потом смех повторился. Не громкий, отнюдь не истеричный, а мягкий, с оттенком юмора, своей непосредственностью напоминавший журчание воды по камешкам.

Положение принимало неожиданный оборот. Он заметил, что кабинет Хурда был крайней угловой комнатой. Попасть туда и выйти оттуда можно было только через главный ход. Разве кому-нибудь вздумалось бы карабкаться с улицы на седьмой этаж? Отсюда следовал вывод, заставивший Клифтона осторожно отойти от дверей: в комнате, примыкавшей к кабинету, все время скрывался свидетель его схватки с Иваном Хурдом. Особа эта была молода, судя по ее голосу. Она сидела у Хурда, когда последнему подали его записку, в которой он просил лесного короля уделить ему пять минут для важного сообщения. Хурд попросил свою гостью подождать в соседней комнате, откуда она слышала и видела все, от мелодраматического начала до фарсового конца. Теперь она во-

шла и, увидев Хурда, не ужаснулась и не испугалась, а дала волю своему чувству юмора, для женщины совершенно необычайному!

Да, мир меняется, и меняется быстро. Многое он повидал за последние десять лет. Женщины стали иными. Большинство не отвечает уже идеалу вечно женственного. Они курят, вступают в прения в общественных местах, участвуют в политической борьбе и обязательно стригут волосы. Они с одинаковым успехом дают человеку в ухо и раздражаются слезами. Плачут вообще меньше прежнего, а борются больше, и слезы у них зачастую являются не столько проявлением слабости, сколько дипломатическим приемом. Ничего нет удивительного, если у них развивается и не свойственное им раньше чувство юмора.

Вот почему незнакомая девушка смеялась над Хурдом, с тайным сочувствием думал Клифтон, спускаясь в лифте на улицу. Она вполне здраво отнеслась к происшедшему событию. Мир не перевернется вверх тормашками от того, что Иван Хурд на время выбудет из строя. Он смутно представлял ее себе маленьким мужественным существом. Непременно — маленьким! С высоким ростом не вязался бы такой смех. И волосы у нее не стриженные. У стриженных не бывает такого голоса.

Пока он спускался в лифте, у него кружилась голова, двоилось в глазах, и он, как подвыпивший человек, старался держаться особенно прямо. Прислужница при лифте прово-

дила его усталыми глазами, когда он завернул в коридор. Лицо у него было бледное, как полотно; на лбу выступали капли пота. Девушка, хотя и стриженная, с участием глядела ему вслед.

— Этот парень не под мухой, — сказала она кому-то. — Он не пьян, а болей.

Выйдя на воздух, Клифтон глубоко вдохнул и несколько минут простоял, опершись о стену. Потом медленно пошел по улице. Было шесть часов, когда он зашел в невзрачное кафе и потребовал стакан крепкого чаю.

После этого он направился через мост к Мон-Руайялю. Обычное бодрое настроение начинало возвращаться. К нему присоединилось чувство освобождения. Идя на свидание с Иваном Хурдом, он боялся не за себя, боялся трагического исхода для него. Все закончилось счастливо; трудно было придумать наказание лучше. Хурд остался жив, но жить он будет, отравленный желчью этого часа.

Шагая в тени густых деревьев, которые превращали старую дорогу в зеленый коридор, он думал о том, как Бенедикт принял Джо и известие о его возвращении. Сюрприз большой, разумеется, — это возвращение с того света! Можно представить себе, как выпытывал Бенедикт мальчугана, до последней минуты сомневаясь, что убитый в Гайпоонге друг воскрес!

Старина Бенедикт! Неуклюжий, небрежный, милый и абсолютно не знающий страха! Так же, как и он сам, всегда

опасающийся ввязаться в какую-нибудь историю с женщиной, не говоря уж о том, чтобы связать себя с женщиной. Приключение в Симле было, насколько известно Клифтону, единственным допущенным им отклонением. Клифтон сам удивлялся, почему этот случай нет-нет да и всплывает у него в памяти. При этом он отчетливо видит вдовушку — такой, какой часто видел ее во плоти шесть лет назад, — в ореоле коротких золотых кудрей, с яркими голубыми глазами и ротиком, который постоянно складывался в маленькое круглое О, что должно было выражать восторг или сугубое внимание. А роста она была такого, что как раз подходила Бенедикту под руку, когда он вытягивал руку.

Разумеется, она была недурна. На этот счет Бенедикт не ошибался в своем суждении. И, кажется, не уклонялась от истины, когда говорила, что ей двадцать шесть лет. Афганцы застрелили ее мужа спустя шесть месяцев после их свадьбы, когда ей был двадцать один год. Вполне естественно, что она искала себе другого и сильно принялась за Бенедикта. Наверное и заполучила бы его, если бы не стратегические маневры его, Клифтона. Возможно, что поступал он не совсем красиво, но, поскольку противником была вдовушка, притом стриженная, совесть никогда не беспокоила его.

Тут Клифтон вспомнил, что в голосе вдовушки была та же подкупающая мягкость, что у девушки, смеявшейся в кабинете Хурда. Именно смех ее и привлек прежде всего внимание Бенедикта. Такие голоса — опасная штука: могут при-

крывать всякую дьявольщину.

Он не спеша подходил к стоявшему посреди большого сада мрачному старому каменному дому, в котором жил Эльдоз. Построенный полтора ста с лишним лет назад каким-то предприимчивым Эльдозом дом с тех пор переходил в семье по английской линии от отца к сыну. Клифтон помнил, как расспрашивала об этом доме симлская вдовушка, которой мерещились там духи и прочее; Бенедикт краснел при ее расспросах, как довольный ребенок! Вдовушке пришлось бы по вкусу такой дом!

Клифтон подошел, наконец, к дому, отступившему в тень трехсотлетних деревьев, под которыми когда-то индейцы держали совет с белыми искателями приключений. Дом, точно так, как в другой вечер, лет десять назад, светился тускло — будто он до сих пор освещался не электричеством, а свечами. Такое впечатление создавалось благодаря малому размеру окон. У Клифтона сильнее забилося сердце, когда он подошел к дверям и взялся за большой, ручной работы, молоток. Волновало это возвращение из царства теней. К тому же он любил Бенедикта.

Не успел отзвучать стук молотка, как послышались шаги, которые он узнал бы из тысячи, — всегда ровные, неторопливые, независимо от того, что ожидало впереди и что следовало сзади. Дверь открылась, и в рамке ее появилась страшно тонкая, слегка сутуловатая, шести футов и трех дюймов вышины, фигура Бенедикта. Конечно, он не изменился. Ред-

кие белокурые волосы не вылезли, усы по-прежнему кустиком росли у самого носа; все так же небрежно был завязан галстук; и пепел лежал на отвороте куртки, и руки, как всегда, торчали из чересчур коротких рукавов.

Они смотрели друг на друга.

— Клянусь Юпитером, сам старик, живехонек! — воскликнул Бенедикт.

Клифтон знал, что встреча будет в таком роде, без эмоциональных фейерверков. Они крепко пожали друг другу руки. Внутренний трепет отразился в глазах. Ведь каждый из них, не задумываясь, умер бы за другого. Несколько мгновений они молчали и не запирали дверей. Бледно-голубые глаза Бенедикта влажно блеснули. И то же ощутил Клифтон в своих глазах. Потом они рассмеялись.

— Как дела, Бонс? [*Bones — кости*] — спросил он. Это прозвище он дал Бенедикту, когда в первый раз увидел его без одежды, с резко выдававшимся костяком.

Бенедикт запер двери и, обняв длинной рукой Клифтона за плечи, повел его через холл со сводчатым низким потолком в большую комнату, где по стенам была развешана всякая всячина, свезенная со всех концов света.

Как прошли следующие два часа, ни один из них не заметил. Никто их не прерывал. Джо уже спал. Бим обретался в гараже, и в старом доме было тихо. Об общем прошлом при этой первой встрече говорили мало. Клифтон рассказывал о гайпоонгских событиях, и в глазах Бенедикта появил-

ся своеобразный огонек, когда он слушал о том, как удалось Клифтону избежать уготованной ему участи, и почему он этого не разглашал. Узнав о расправе с Иваном Хурдом, Бенедикт засмеялся своим прерывистым смешком; кто раз слышал красноречивый смешок Бенедикта, тот никогда не мог забыть его: это было какое-то мелодичное вибрирование всех заключающихся в нем звучаний.

— Теперь я чувствую себя лучше, — закончил Клифтон. — Я долго трусил, что убью Хурда, когда вернусь. Сейчас с этим покончено, и я могу обосноваться на месте.

Бенедикт сознался, что за время их разлуки начал погрязать в рутине и обрастать мясом. Проболтался год в Англии, побывал в Египте и наконец приехал сюда — в место, которое он любил больше всех других спокойных мест, — в этот дом на высоком холме над Монреалем. Он любил Монреаль. Считал, что, наряду с Квебеком, это лучший город для того, чтобы грезить в нем о прошлом. Разумеется, если бы он знал, что Клифтон жив и пребывает в Китае или Тимбукту, он разыскал бы его...

Они заговорили о прежних днях. Клифтон откровенно сказал, что давно не был так счастлив, как сейчас. Не нужно ему больше никаких треволнений и сильных ощущений. Он рад, что вернулся домой, и вряд ли скоро снимется с места — разве что Бенедикт настаит.

Он взял в руки серебряный портсигар, на котором был след от пули, и веселые искорки вспыхнули у него в глазах.

— А симлскую вдовушку помнишь? — спросил он.

Бенедикт заметно смешался. Попробовал было рассмеяться, но смех не вышел. Клифтон был в восторге.

— Помнишь сцену с этим портсигаром? Я стоял за изгородью и все слышал.

— Ах ты, негодяй!

— Никогда она не была так смела, как в тот день. Говорила, что хотела бы сохранить у себя этот портсигар, который спас тебе жизнь. И ты отдал бы его, если бы я не пот явился на сцену! На волоске висело все, старина...

— Да, на волоске, — согласился Бенедикт.

— Любопытно, что с ней случилось? Умела справляться с мужчинами, и я готов пари держать, что уже поймала себе мужа.

Бенедикт скрылся за облаком табачного дыма.

— Несомненно, старина. Она была не из тех, что отступают.

— Не жалеешь, что я вытащил тебя тогда?

— Я с каждым днем чувствую себя счастливее.

— Я так и думал. Женитьба не по тебе.

— Я не женился бы на лучшей в мире женщине.

— И я тоже.

Бенедикт приготовил себе стакан виски с содовой.

— Но ты должен все-таки сознаться, что она была мила, — заявил он.

— Милый чертенок! Желтые стриженные волосы, голубые

глаза, рот, как у младенца. Так бы и оплела тебя, если бы я не вырвал тебя у нее. Лучше было бы мне лежать в Гайпоонге, если бы мне была уготована такая участь.

Раздался смешок Бенедикта.

— Что ты намерен делать теперь? — спросил он, сильно растягивая слова. — Купить ферму?

Клифтон медленно заходил взад и вперед по комнате.

— Я начну с того, на чем остановился. Вернусь в леса. Война научила меня ненавидеть не столько тех, с кем я сражался, сколько моих соотечественников, окопавшихся дома, трусов, стяжателей. Я видел кругом обман, плутовство, лицемерие, беспринципность и должен был признаться, что сам был просто глуп. Я странствовал по свету и чувствовал себя смешным. Теперь я вернулся и останусь здесь. Мне нужен покой. Моя единственная страсть — лес. Сначала я думаю пройтись по французской Канаде, где люди живут так же мирно, как жили двести лет назад. Отныне и до конца дней моих не надо мне никаких сильных ощущений, возбуждающих впечатлений. Я мечтаю о тихой Перибонке, о хвастливом реве Мистассини, о залитых солнцем долинах на берегу озера святого Иоанна, долинах, где женщины по-старому пекут хлеб на свежем воздухе, а мужчины правят лошадьми, а не автомобилями. Я хочу снова работать в лесу вместе с людьми из Метабетчуана и вдыхать запах бревен и мязги на длинной улице Чакуtimi. Я повторяю тебе, Бенедикт, мне раз и навсегда надоели перемены, волнения, неожиданности,

потрясения. Я хочу мира, тишины...

Бенедикт неуклюже поднялся. В лице его появилось выражение, которое заставило Клифтона остановиться.

— Клифтон... старина... прости...

Клифтон обернулся.

Бенедикт схватил его под руку, как бы для того, чтобы поддержать; словно издалека донесся к Клифтону его смешок.

— Моя жена, старина...

В дверях остановилось, улыбаясь Клифтону, золотисто-белое видение...

Вдовушка из Симлы!

Глава VI

Она стояла в дверях, ничуть не старше, чем шесть лет назад, — те же золотистые волосы, те же глаза, тот же детски-круглый красивый ротик, то же белое платье, и то же было в ней неподдающееся определению нечто, которое, как раньше, делало ее опасной для мужчин.

Она улыбалась ему — глаза сияли, — рот от удовольствия превратился в кругленькое О... Она улыбалась, глядя на него, — соблазнительная, лживая, дерзкая, бесспорно красивая!

Она — жена Бенедикта!

Он не спускал с нее глаз, весь как-то обессилив. Это не обман чувств: перед ним была единственная на земле женщина, которой он боялся, женщина, которая пыталась похитить Бенедикта и таки добилась своего! Удар по голове, который нанес ему ножкой стула Иван Хурд, меньше ошеломил его. Он не находил слов.

А она смеялась... и потом — не успел он сообразить, отстраниться, защититься, как симлская вдовушка — он никак не мог называть ее иначе — была уже подле него, обвила, приподнявшись на цыпочки, его шею руками и... поцеловала его в губы!

Этот поцелуй, как взрыв, разрушил все, что он целые годы возводил. Поцелуй был теплый, дружеский, нежный. При-

косновение мягких губок дало совершенно новое для Клифтона ощущение, которое электрической искрой прошло по нем. Он беспомощно оглянулся, увидел стул и упал на него.

— Однако!.. — вырвалось у него.

Они стояли перед ним рука об руку, как провинившиеся ребята: одна — до смешного маленькая и хорошенькая, другой — до нелепости высокий и угловатый. И Бенедикт улыбался глупой, но счастливой улыбкой!

— О, я так рада, что вы живы! — воскликнула вдовушка и всплеснула руками. — Когда мы услышали, что вас убили, я плакала целую неделю, — правда, любимый? — обратилась она к Бенедикту, с обожанием глядя на него.

Бенедикт, ухмыляясь, кивнул ей.

— Сегодня в десять часов утра исполнилось два года, три месяца и семнадцать дней, как мы женаты, — продолжала она.

Клифтон медленно поднялся. К собственному удивлению, он не испытывал ни малейшего смущения. Скорее было такое чувство, будто он состарился и внезапно потерял почву под ногами. Он сознавал только одно — что он до седых волос останется все таким же идиотом!

Симлская вдовушка победила его — и он протянул ей обе руки!

— Теперь, когда все кончено, я рад, — сказал он. — В конце концов, пожалуй, старику Бонсу в самом деле нужен такой ребенок, как вы, чтобы смотреть за ним. А я... когда я

вижу, как вы до глупости влюблены друг в друга после двух лет, трех месяцев и семнадцати дней, я начинаю любить вас почти так же, как его!

В эту минуту раздался звонок телефона.

— Я подойду, — сказала вдовушка и оставила друзей наедине.

— Черт возьми, почему же ты сразу не сказал мне! — воскликнул Клифтон.

— Она не позволила. Когда Джо принес известие о том, что ты жив и будешь здесь сегодня, она решила сделать тебе сюрприз, пораньше уснула детей спать...

— Кого?..

— Детей! — повторил Бенедикт. — У нас их двое — Клэретт и Бенедикт-младший. Джо будет третьим.

— Боже! — вздохнул Клифтон.

Симлская вдовушка вернулась.

— Бенедикт, тебя просит к телефону дама — в такое время! Кто она?

— Понятия не имею. Сейчас узнаем.

— Как же это произошло? — спросил Клифтон ласково улыбающуюся ему вдовушку.

Жена Бенедикта виновато опустила глаза.

— Видите ли, я поехала за ним в Англию...

— Как... вы решились?

Она не поднимала глаз.

— Не застала его — и поехала за ним в Египет и туда

опоздала, а так как я знала, что без него не могу быть счастлива, отправилась вслед за ним в Канаду. Тут мы сразу и обвенчались.

Клифтон со вздохом опустился в большое кресло Бенедикта.

— А я-то вернулся в Канаду, чтобы уйти от всяких неожиданностей и волнений. Думал тихо пожить...

Его прервало появление Бенедикта. На лице его было такое выражение, какое Клифтон часто видал на нем, когда они вместе слушали свист немецких снарядов.

— Полиция спешит сюда!

— Полиция?

— Так по крайней мере сказала девушка, которая вызывала меня. Не захотела себя назвать. Но, по-видимому, она хорошо осведомлена о том, что произошло у Хурда.

— У нее приятный голос?

— В самый раз, старина. Говорит, что Хурд знает, где ты, и уже выехал сюда с полицией; что тебе остается пять минут для того, чтобы выбраться отсюда. Просила тебя поблагодарить за то, как ты расправился с негодяем.

Бенедикт оглянулся на окно.

— За деревьями уже мелькают огни автомобиля. Остановился у ворот. Если ты хочешь все-таки прогуляться по французскому Квебеку, то тебе надо спешить, старина. Иван Хурд — сила в глазах здешней полиции. Он — член окружного парламента и глава самой влиятельной из когда-либо

существовавших в Квебеке партий — реакционной. Он награбил миллионы и имеет неограниченную власть. В парламенте его зовут le Taureau — Бык. Он беспощаден к врагам, и поэтому мало кто решается выступать против него. В настоящее время он самый опасный человек в Канаде, для тебя в особенности!

— А несколько часов назад я убедился, что он жалкий трус.

— Люди его пошиба всегда оказываются трусами в критический момент. И Хурд не простит тебе, что ты вскрыл его подлинную сущность. Будь вы еще один на один, он, может быть, сохранил бы все в тайне. Но там была женщина, старина... — Бенедикт пожал плечами. — Кстати, у тебя есть свидетель по гайпоонгскому делу?

— Я потерял его из виду. Он исчез за месяц до того, как я уехал из Индокитая.

Бенедикт покачал головой.

— Помнишь, как мы удирали с тобой из хижины на Иравади? — спросил он. — Ведь мы не от страха, а по дипломатическим соображениям уходили...

Клифтон усмехнулся.

— Прощай, Бонс. Я пойду. Пришлю скоро весточку. Как ты думаешь, позволит тебе этот твой маленький командир позднее присоединиться ко мне для самой мирной прогулки по лесам?

— Позволит, если вы поторопитесь сейчас! — с дрожью в

голосе воскликнула жена Бенедикта. — Скорее, они поднимаются по лестнице. Не впускай их, Бенедикт! Мы выйдем через погреб!

Она охватила рукой большой палец Клифтона, и он не успел оглянуться, как уже спешил вместе с ней через холл, вниз по узкой лестнице, в темноту, которая вдруг осветилась электрической лампочкой. Жена Бенедикта молча указала ему на мешок и, когда он подхватил его, они снова выбежали на лестницу. Наконец она отодвинула засов на узкой двери, и сияние звезд и луны заиграло на ее белом платье и золотых волосах.

Глаза ее странно горели. Сверху к ним доносились голоса. Бенедикт старался выиграть время.

В эту минуту чувство стыда шевельнулось у Клифтона в душе.

— Простите меня за то зло, которое я пытался причинить вам, — шепнул он. — Я не понимал. Я любил Бенедикта и думал, что вы... вы...

— Я знаю, — перебила она его, мягко пожимая ему руку. — Вы думали, что я сделаю его несчастным. Если бы так случилось — я бы умерла.

— Вы позаботитесь пока о Джо?

— Это дом Джо и ваш — когда бы вы ни вздумали вернуться сюда.

Он вскинул мешок на плечи.

Она как будто выросла в эту минуту, но улыбка по-преж-

нему дрожала у нее на устах.

Уже наполовину закрывши дверь, она прошептала:

— Я прощаю, и я жалею. Вам нужна жена, как была нужна бедному старому Бенедикту. Сейчас пошли другие женщины. Они умеют добиваться того, что им нужно, в особенности те, у кого стриженные волосы. И я надеюсь, что в один прекрасный день найдется другая симлская вдовушка, которая заполучит вас!..

Дверь закрылась; Клифтон пересек полосу света и свернул в тень под деревья, которые отделяли его от свободы, от большой дороги.

Глава VII

Держась в тени деревьев, Клифтон вышел на боковую улицу. У него не было определенной цели, и он по привычке повернул на восток. Ни разу не случилось ему за один вечер переживать столько неожиданного.

Он почти не думал о Хурде, о борьбе с ним, о возможных неприятностях. Смущала больше мысль о таинственной молодой особе, которая скрывалась в комнате, примыкавшей к кабинету Хурда, и о поцелуе симлской вдовушки.

Есть все-таки женщины, на которых стоит жениться, и жена Бенедикта — одна из них. Действительно ли она простила ему или этот поцелуй был лишь данью, принесенной в угоду Бенедикту?

А какой-то настойчивый чертенок продолжал задавать вопросы насчет той девушки, что была у Хурда. Звонила, конечно, она, потому что никто другой не мог знать о его столкновении с Хурдом. И она благодарила его за то, что он расправился с этим негодяем. Странно, если не сказать больше!

Кто она? Почему не показалась во время схватки, которая временами должна была приводить ее в ужас, поскольку трагический исход несколько раз был близок. А между тем смех ее — порука, что ни ужаса, ни страха она не испытывала. Какие могли быть у нее отношения с Хурдом? Что-то неприятное шевельнулось у Клифтона в душе. Рыцарское

чувство запротестовало. Он почти непроизвольно отмахнулся от этого вопроса. Дурные женщины так не смеются, и на глаза им не набегают слезы так, как на детские голубые глаза жены Бенедикта.

Смелые они обе — Клэретт Эльдоз и девушка, которая смеялась над Хурдом, а потом предупредила его, Клифтона! Он готов бороться за ту и другую, если бы представился случай.

Он с удивлением заметил, что дошел до конца города. Время прошло быстро, и море электрического света осталось позади. Луна скрылась за лесистым гребнем Мон-Руайяля, и тихая канадская ночь спустилась на засыпающие домики, которые, уже и в предместье, не так теснились друг к другу, как в скученном городе, а теперь еще дальше разбрелись.

Клифтон выпрямился и глубоко вдохнул воздух. Он шел немощеной дорогой, под ногами была мягкая, пружинящая земля.

Все его тревоги рассеялись, он перестал задаваться вопросами и шел, не чувствуя усталости. Часы и мили оставались позади, и сияние Монреалья постепенно угасало, пока не остался лишь слабый отблеск, бледнеющий при свете звезд. В этот тихий предрассветный час, отойдя за пятнадцать миль от города, он вступал уже в округ Ассомисион, населенный французами.

Тут он попадал в условия быта, почти не изменившегося

в течение трехсот лет; с каждым днем, с каждой милей он будет забираться все глубже в страну, которую любит, в свободную, беспредельно широко раскинувшуюся страну, где сказка уживается с трагичным, где народ, уже в двенадцатом поколении, остался не затронутым бешеным натиском цивилизации.

Он знал, что миновал лишь первую дверь в Старый Квебек, но даже здесь, на небольшом расстоянии от одного из крупных мировых городов, он чувствовал радостный подъем. Он проходил мимо уснувших ферм, у которых гумна выдвинулись к самой дороге, а домики прятались где-то позади.

Спящие деревни возникали, как тени, по сторонам, а вокруг теснились остатки тех лесов, что видели первых пионеров.

Поднявшись на холм, он взглядом окинул старую дорогу по обоим направлениям. Много лет назад он стоял на этом самом холме с отцом Арно из Сен-Лина и слушал, а тот воскрешал перед ним картины тех дней, когда эти лесистые холмы и зеленые луга были свидетелями того, как вписывалась в книгу истории нового мира первая, и одна из самых кровавых, страница. И сейчас ему казалось, что он слышит шаги и голоса тех, что пришли сюда несколько столетий назад, чтобы победить или умереть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.